

Мундер Мулла Кадим

АРХАИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВОПЛОЩЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЯСНОСТИ, ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ И КРАСОТЫ В БАСНЯХ И. А. КРЫЛОВА

В данной статье описываются архаизмы как средства воплощения функциональных категорий ясности, литературной нормы и красоты в баснях И. А. Крылова; представлены активная и пассивная составляющие языковых единиц как средство активизации/пассивизации лексики; охарактеризованы категории: ясности - как ключевой способ достижения авторского идиостиля, а ее внутреннее содержание - как средство восприятия произведения; литературной нормы - как использование стилистических (стилистически маркированных) средств, в том числе и архаизмов; красоты - как структурная организация произведения посредством применения, с одной стороны, пассивной лексики в целом, с другой - архаизмов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/11/24.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (113). С. 87-91. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

5. **Малюга Е. Н.** Основные характеристики профессионального языка // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 1/2 (82). С. 133-138.
6. **Мирошникова О. Х.** Английский язык в ситуациях научного общения: учебное пособие для аспирантов естественнонаучного профиля. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 136 с.
7. **Мирошникова О. Х.** Профессионально-языковой портфель для магистрантов биологических специальностей: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014. 128 с.
8. **Николаева Н. Т.** Компетентностный подход в формировании лингвокультуры бакалавров в рамках учебного предмета «Страноведение» [Электронный ресурс] // Мир науки: интернет-журнал. 2016. Т. 4. № 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/28PDMN216.pdf> (дата обращения: 22.11.2016).
9. **Попова Е. А.** Снижение рисков коммуникативных неудач в общении с представителями английской коммуникативной культуры: формирование умений устного иноязычного общения в вузе [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2015. Т. 30. С. 526-530. URL: <https://e-koncept.ru/2015/65176.htm> (дата обращения: 22.11.2016).
10. **Agar M.** Language Shock. Understanding the Culture of Conversation. N. Y.: William Morrow, 1994. 284 p.
11. **Risager K.** Language and Culture Pedagogy: From a National to a Transnational Paradigm (Languages for Intercultural Communication and Education). Clevedon: Multilingual Matters, 2007. 288 p.

FORMATION OF UNIVERSITY GRADUATES' PROFESSIONAL LINGUISTIC CULTURE AS A COMPONENT OF LINGUISTIC-CULTURAL PEDAGOGY

Miroshnikova Ol'ga Khrist'evna, Ph. D. in Pedagogy
Southern Federal University in Rostov-on-Don
rostovolga@yandex.ru

The article deals with the problems of the formation of linguistic-cultural competences of professionals, introduces and substantiates the concept of "professional linguistic culture", proves relevance of the formation and development of professional linguistic culture in the system of multilevel university education from the positions of linguistic-cultural pedagogy, describes methods of the formation of professional linguistic culture of specialists in natural sciences as a necessary component of professional competence.

Key words and phrases: communication barriers; professional linguistic culture; professional linguistic personality; professional language worldview; university graduate's linguistic-cultural competence.

УДК 8

Филологические науки

В данной статье описываются архаизмы как средства воплощения функциональных категорий ясности, литературной нормы и красоты в баснях И. А. Крылова; представлены активная и пассивная составляющие языковых единиц как средство активизации/пассивизации лексики; охарактеризованы категории: ясности – как ключевой способ достижения авторского идиостиля, а ее внутреннее содержание – как средство восприятия произведения; литературной нормы – как использование стилистических (стилистически маркированных) средств, в том числе и архаизмов; красоты – как структурная организация произведения посредством применения, с одной стороны, пассивной лексики в целом, с другой – архаизмов.

Ключевые слова и фразы: архаизмы; басни И. А. Крылова; категория ясности; категория литературной нормы; категория чистоты.

Мундер Мулла Кадим

Багдадский университет, Ирак
muntherkadhum@mail.ru

АРХАИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВОПЛОЩЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЯСНОСТИ, ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ И КРАСОТЫ В БАСНЯХ И. А. КРЫЛОВА

Современный этап развития науки свидетельствует, что *архаизмы* и *историзмы* не прекратили свое существование в системе русского языка. Это объясняется, прежде всего, тем, что данные единицы закреплены в художественных произведениях многих писателей, поэтов и т.д. Конечно, они могут исчезнуть из литературного языка, но останутся в употреблении в разговорной речи или в определенных социолектах и диалектах.

Одним из проблемных вопросов языкознания в области изучения *активной* и *пассивной разновидностей языковых единиц* является изучение путей активизации/пассивизации лексики, поиск критериев их дифференциации, которые, бесспорно, имеют непосредственное отношение к решению проблем ономазиологии и семасиологии, лексикографии, стилистики, истории языка, когнитивной и функциональной лингвистики и др. Поэтому наряду с *экстралингвистическими, ономазиологическими, семасиологическими* и другими критериями *дифференциации пассивных видов лексики* целесообразно рассматривать *функциональный*, особенно когда речь идет об авторском идиостиле. Как правило, *процесс пассивизации* может происходить как вследствие ослабления функционирования всей лексемы, так и в результате замены морфемы деривата при сохранении

активного функционирования корневой морфемы в одном или во всех ее смыслах. Употребление устаревшей лексики может быть маркером принадлежности конкретного художественного текста (произведение, стих, басня и пр.) к определенному функциональному стилю. Именно поэтому целесообразно принимать во внимание функциональный критерий для дифференциации пассивных и активных видов лексического состава русского языка. Рассмотрим это на примере басен И. А. Крылова.

Для начала предлагаем рассмотреть *категорию ясности* (выделена Теофрастом и детально разработана Аристотелем), под которой понимается смысл речи, ее внутреннее содержание для адекватного и корректного восприятия. Категория ясности дает возможность легко и быстро понять разговорную речь. Например, Д. Лаэртский *ясность* трактовал как способ выражения, при котором мысль определяется таким образом, чтобы познать ее было легко [3, с. 191]. Без этой характеристики речи другие критерии не имеют никакого смысла.

На сегодняшний день *ясность* – это категория для характеристики речевого потока, где в основе прослеживается ее соотношение с любыми возможностями для восприятия. *Ясной* можно назвать такую речь, которую адресат может воспринять без каких-либо затруднений. В первую очередь, *ясность* означает понятные для всех слова. Конечно, речь может стать непонятной, если в ней используется незнакомая лексика. Однако необходимо отметить, что активная и/или пассивная, знакомая и/или незнакомая лексика не является центральной в языке. Очевидно, что большое количество архаизмов, которое используется, не затрудняет понимание текста, который рассчитан на образованного и интеллигентного реципиента [6].

Как отмечает В. П. Москвин [24, с. 76-83], очень часто стилизация текста вступает в противоречие с критериями ясности, что может вызвать осложнения при взаимоотношении любого художественного текста с определенной *литературной нормой*, потому что использование стилистических (стилистически маркированных) средств – либо архаизмов, либо историзмов – не способствует приданию тексту ясности. Это означает, что одними из ключевых правил стилизации являются «умеренность» и «легкость». Этот принцип действует не во всех элементах – иначе художественный текст превратится в обычный документ [1, с. 17].

Автору необходимо владеть речевой чуткостью, художественным тактом, что передает высокое мастерство, эстетическую меру, если он вводит архаические элементы в поэтические произведения. Конечно, такие требования могут и не выполняться в литературной и художественной практике. Многие писатели пользуются архаическими единицами, но теряют при этом чувство меры, что нередко затрудняет или мешает понять произведение, язык становится не просто трудным, а непонятным.

Н. А. Шестакова считает [29, с. 167], что утрата процесса номинативности ведет к функционированию устаревшего слова в иных стилях, или к выполнению важных стилистических задач в современном русском языке, так как во многих случаях уже утраченная номинативность какой-либо лексической единицей заполняется синонимом, имеющим экспрессивную функцию. Это прослеживается среди *орфоэпических (фонетических) архаизмов*, которые отличаются от обычного варианта произношения одним звуком, например, в басне И. А. Крылова «Лев на ловле» используется слово «*съобща*»:

Собака, Лев да Волк с Лисой
В соседстве как-то жили,
И вот какой
Между собой
Они завет все положили:
Чтоб им зверей **съобща** ловить,
И что наловится, все поровну делить [15].

Актуализация прослеживается относительно *чистоты*, т.е. правильности произведения из-за использования, с одной стороны, вообще пассивной лексики, а с другой – архаизмов:

В кустарнике залежи у дороги,
Разбойник под вечер добычи **нажидал**,
И, как медведь голодный из берлоги,
Угрюмо даль он **озирал**.
Посмотрит, грузный воз катит, как вал [18].

Следующий критерий правильности касается вопроса о том, являются ли архаические единицы частью лексической нормы русского языка на современном этапе.

Понятие *нормы языка* прослеживается в лингвистической литературе как феномен, который имеет историческую и социальную обусловленность (Г. О. Винокур, А. Гавранек, К. С. Горбачевич, Э. Косериу, Л. И. Скворцов). Кроме этого, также необходимо вспомнить о *параметрах антипода нормы*, т.е. языковой аномалии (Ю. Д. Апресян, Л. А. Брусенская, Е. А. Земская). В науке существует также идея, которая связана с *множественностью нормы* (И. В. Беляева, В. А. Звегинцев, Э. Г. Куликова, А. Едличка).

Как известно, богатую стилями систему можно считать признаком «зрелости» определенного языка. В этом случае развитие цивилизации, национальной консолидации, а также различных социальных вызовов ведет к унификации языка, а это обозначает единые для ее системы критерии как ключевые основания ее нормирования. Э. Косериу предложил триаду [14, с. 175-176] «*система*» – «*узус*» – «*норма*». Под *системой* он понимает структурный потенциал языка (это самое широкое понятие в триаде, поскольку оно включает в себя не только технику, но и характерные эталоны для данного языка); под *узусом* – совокупность употреблений, которые являются общепринятыми (те, которые отвечают всей системе); под *нормой* – образцовый вариант узуса [Там же].

Все вышеизложенное демонстрирует следующее: норма отвечает не тому, о чем можно было бы рассказать или сказать, а тому, что уже говорится и сказано в соответствии с традициями определенного общества. Однако когда конкретный уровень в языковой гомогенности является достигнутым, рамки установленных норм, например, *лексико-стилистических*, являются препятствием для дальнейшего развития. Необходимо отметить, что при этом идеи вариативности нормы или ее множественного характера являются основанием для большинства концепций, главным образом для той концепции, которую разрабатывали ученые Пражского лингвистического кружка.

Исследователи Пражского лингвистического кружка [26, с. 17-41] предложили идею дефиниции нормы как «гибкой стабильности», что дало им возможность отстраниться от сопоставления нормы с консервативностью.

На сегодня выделяют три вида норм: 1) системные нормы; 2) жанровые (стилистические) нормы; 3) контекстные (ситуативные) нормы.

Системная норма ограничивается языковым компонентом, она тесно связана с языком, его структурой (системой), где признаками конституирования являются, с одной стороны, *общественное признание*, а с другой, – облигаторность. Источниками системной нормы являются конкретные языковые реализации. Поэтому системная норма – объективное явление, которое складывается как совокупность регулярных реализаций, принятых в социуме. Системная норма – это более стабильный вид нормы. Как правило, системная норма предполагает «устойчивый динамизм» языка. Например:

*Голодная кума Лиса залезла в сад,
В нем винограду кисти **рделись** [16].*

Благодаря *жанровой (стилистической) норме* имеют место единство и опознаваемость стиля, или жанра, поэта. Например:

*Мальчишка, думая поймать угря,
Схватил Змею и, **воззрившись**, от страха
Стал бледен, как его рубаха [17].*

Определяющими для *контекстной (ситуативной) нормы* являются, как правило, ситуации (обстоятельства) и факторы. Отношение ее к *формационной норме* обуславливается тем, что способом реализации коммуникативной нормы является способ распределения языковых формаций в коммуникативной и ситуативной сферах. В других трактовках это понятие называют такими терминологическими словосочетаниями: *авторская, индивидуально-авторская, контекстуальная норма*, и, прежде всего, оно является прямым противопоставлением системной норме. Например:

*Вчерасть приятеля в карете видел я;
Бедняк – приятель мой, я очень удивился,
Чем столько он **разжился** [20]?*

Концепция контекстной нормы является широко признанной, основывается на идеях Пражского лингвистического кружка. Но, тем не менее, признаки, которые характеризуют системную норму, по-прежнему распространяются на ее более динамичные и гибкие разновидности. Г. Г. Хазагеров в своих работах [27; 28] приводит тезис, согласно которому целью изменчивости нормы является сохранение системы-гомеостата.

Касательно такого положения Э. Г. Куликова пишет, что *язык*, являясь системой, стремится к *адаптации*, он как бы преодолевает влияние внешних факторов, которые его *дестабилизируют*, а одним из его механизмов, подсистем, является *кодификация*, помогающая ему адаптироваться к таким условиям [22, с. 40].

Слово может трансформировать информацию об идиостиле автора/писателя, норме и/или функциональном стиле. Как утверждает М. М. Бахтин, любое слово является полифоничным и преднаходимым [6, с. 311].

Ср.:

*Тут Нищему Фортуна вдруг предстала
И говорит ему:
«Послушай, я помочь давно тебе желала;
Червонец кучу я **сыскала**;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только с уговором:
Все будет золото, в суму что попадет,
Но если из сумы что на пол упадет,
То сделается сором» [21].*

Во все времена, еще с античных риторик, одним из необходимых или, лучше сказать, важных качеств, по которым определялась речь, являлась уместность, т.е. адекватность средств языка по отношению к условиям и целям общения.

Ниже предлагаем случай использования архаизма, который противоречит категории уместности:

*«Довольно ль?» – «Нет еще». – «Не треснула б». – «Не бойсь».
«Смотри, ты Крезом стал». – «Еще, еще маленько:
Хоть горсточку **прибрось**».
«Эй, полно! Посмотри, сума ползет уж врозь» [Там же].*

Следует выделять такие виды уместности: 1) личностно-психологическая; 2) контекстно-ситуативная; 3) жанрово-стилистическая.

Вспомним Теофраста [3, с. 236], который считал *красоту* важным критерием речи. Исследователь называл два основных качества, из которых состоит красота – это сладость (приятность) и величавость. Нередко под красивой речью он понимал «украшенную» тропами и фигурами, т.е. специально «отделанную». Особенно высоко красоту оценивали софисты, указывая на необходимость создания благозвучной речи, они считали, что красивая речь «чарует», «улаживает», а поэтому – показывает слушателям то направление, которое необходимо оратору [Там же, с. 240]. До теперешнего времени *красоту* признают как одно из важнейших качеств речи, которое не всегда однозначно понимают. Красивой считают чаще всего речь, которая может привлечь к себе внимание, посредством своей формы произвесты такое впечатление, которое будет очень благоприятным.

Многие писатели и авторы связывали красоту со старинностью речений. Например, в своем труде «О языке» А. М. Горький пишет о том, что старославянский язык имеет много добротных, образных и веских слов, но важно понимать отличие языковых средств, которые, как правило, применяются для обозначения и утверждения церковной тематики (догматики), например, в проповедях священников, от языка поэтов (поэтический язык). Если рассматривать язык и стиль, на которых представлены письма и жизнь протопопа Аввакума, то это – образец непревзойденной пламенной и страстной речи, а старинная литература, по утверждению А. М. Горького, характеризуется примерами, которые помогают учиться [11, с. 165]. При этом использование архаических единиц можно назвать своего рода искусством, а обычное их использование, или простое «нанизывание», не создаст красивую авторскую речь. В большинстве случаев от умения автора, поэта, писателя и др. приспособить, использовать языковые средства, которые являются унаследованными из прошлого века и/или из других эпох в процессе развития языка с целью выражения нового содержания, распространенных проблем современности, личного опыта, зависит то, каким является лирическое произведение с позиции художественной выразительности и эстетического потенциала, который заложен в нем [13, с. 7]. Создавая современный художественный рассказ, полностью отвечающий его эстетическим и стилевым установкам, писатель может воспользоваться словами с архаическими значениями.

Интересным оказывается тот факт, что архаические единицы, имеющие ограниченное употребление и представленные лишь в поэзии, позднее стали восприниматься как специфические приметы условий употребления, и, таким образом, сформировался разряд новых слов – «поэтизмы». Ср. в басне И. А. Крылова «Слон и Моська» использование архаизма «отколе»:

*По улицам Слона водили,
Как видно напоказ –
Известно, что Слоны в диковинку у нас –
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им [19].*

Конечно, необходимо отметить и то, что большинство авторов преднамеренно использовали слова, которые способны провоцировать лексикографический поиск [25, с. 10]. При этом архаические единицы часто оказываются такими.

Как утверждает М. Амелин [2], двумя разными языками необходимо считать такой язык, который имеет название *современный русский литературный язык*, и язык, который имеет название *язык современной литературы*.

Современный русский литературный язык – это закрепощенный и ограниченный разнообразными нормами и правилами, преднамеренно усредненный конгломерат, отражение которого прослеживается в распространенных орфографических словарях и справочниках. При этом *язык современной русской литературы* – это исключительно «пестрый» и свободный язык, который должен пребывать в «текущем» состоянии; архаика в нем находится рядом со сленгом, а заумь смешивается с просторечием, и при этом они не мешают друг другу.

Целью любого языкового творческого пространства является разрушение косности для создания новых словесных отношений, которые иногда являются причудливыми. Как отмечает М. Амелин, язык в произведениях, которые написаны современными авторами, очень «бледен». Стилевая и словесная «глухота» характерна для новой литературы. А «серым» и безликим языком нельзя передать что-то очень важное и глубокое. М. Амелин [Там же] говорит также о двух стилистических направлениях, которые можно назвать «плохописью» и «гладкописью». В газете «Культура» исследователя спрашивали о многом касательно этих направлений, на что он отвечал, что *усредненность*, которую использовали в своем языке и советские, и антисоветские поэты, вызвала у него раздражение. Где-то в 17 лет он понял, что необходимо, чтобы в поэзию вернулся утраченный в свое время торжественный тон, а также сделать шаг от элегии к оде. Автор упоминает о том, что он не имеет права судить, насколько ему это удалось, но он полностью уверен, что его стихи никогда никто не перепутает со стихами иного поэта. Ему очень нравятся разные эксперименты над русским литературным языком в отношении его недопроявленных возможностей, поэтому он работает на стыке современности и XVIII в. [Там же].

Таким образом, в процессе анализа и изучения путей активизации/пассивизации лексики в баснях И. А. Крылова было установлено, что они достигаются с помощью функциональных категорий *ясности* – категории для характеристики речевого потока в плане возможностей восприятия; 2) *литературной нормы* – категории, учитывающей использование стилистических (стилистически маркированных) средств; одними из ключевых правил стилизации являются «умеренность» и «легкость»; 3) *красоты*, имеющей подкатегории «сладость» (приятность) и «величавость».

Список литературы

1. Алпатов А. В. Стилизация речи // Русская речь. 1970. № 4. С. 16-20.
2. Амелин М. «Я работаю на стыке XVIII столетия и современности. И это совсем не постмодернизм»: интервью газете «Культура» // Культура. 2004. 15 июля.
3. Античные теории языка и стиля / под ред. О. Фрейденберга. М. – Л.: ОГИЗ – СоцЭкГиз, 1936. 340 с.
4. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2. С. 135-177.
5. Апресян Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке: сб. науч. тр. / гл. ред. О. С. Гузина. М.: Наука, 1992. С. 45-64.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: сборник избранных трудов. М.: Искусство, 1979. 423 с.
7. Беляева И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. Ростов н/Д: Издательство СКАГС, 2008. 244 с.
8. Брусенская Л. А. Словарь неизменяемых иноязычных слов русского языка. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского государственного университета, 1997. 236 с.
9. Винокур Г. О. О понятии поэтического языка // Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. С. 24-31.
10. Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. М.: Просвещение, 1971. 270 с.
11. Горький М. О языке // Горький М. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Художественная литература, 1953. Т. XVII. С. 164-168.
12. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90-141.
13. Иванова Н. Н. Высокая и поэтическая лексика // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М.: Наука, 1977. С. 7-77.
14. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. Вып. 3. С. 143-309.
15. Крылов И. А. Лев на ловле [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/krylov/31.htm> (дата обращения: 07.12.2016).
16. Крылов И. А. Лисица и виноград [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/krylov/32.htm> (дата обращения: 07.12.2016).
17. Крылов И. А. Мальчик и змея [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/krylov/8.htm> (дата обращения: 07.12.2016).
18. Крылов И. А. Разбойник и извозчик [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/krylov/41.htm> (дата обращения: 07.12.2016).
19. Крылов И. А. Слон и Моська [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/krylov/10.htm> (дата обращения: 07.12.2016).
20. Крылов И. А. Судьбы игроков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/krylov/49.htm> (дата обращения: 07.12.2016).
21. Крылов И. А. Фортуна и нищий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/krylov/17.htm> (дата обращения: 07.12.2016).
22. Куликова Э. Г. Норма в лингвистике и паралингвистике: автореф. дисс. ... д. филол. н. Краснодар, 2004. 42 с.
23. Куликова Э. Г. Норма в лингвистике и паралингвистике: монография. Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2004. 300 с.
24. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 102 с.
25. Рахимкулова Г. Ф. Игровая поэтика и игровая стилистика // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 2000. № 1. С. 3-11.
26. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 17-41.
27. Хазагеров Г. Г. Проблемы языковой нормы в свете понятий «красивого», «возвышенного» и «эффективного» (к типологии нормы) // Язык в прагмалингвистическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика: межвузовский сборник научных трудов / гл. ред. Л. А. Кудрявцева. Ростов н/Д: РГУ, 2003. С. 55-64.
28. Хазагеров Г. Г. Риторика для слушающего // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 2000. № 1. С. 32-36.
29. Шестакова Н. А. Архаичная лексика современного русского языка по данным толковых словарей XVIII-XX вв.: дисс. ... к. филол. н. Брянск, 1999. 190 с.

ARCHAISMS AS MEANS TO IMPLEMENT THE FUNCTIONAL CATEGORIES OF CLARITY, LITERARY NORM AND BEAUTY IN I. A. KRYLOV'S FABLES**Munder Mulla Kadim***University of Baghdad, Iraq
muntherkadhum@mail.ru*

The article describes archaisms as means to implement the functional categories of clarity, literary norm and beauty in I. A. Krylov's fables; the author identifies the active and passive components of linguistic units as means of vocabulary activation/passivation, characterizes the following categories: clarity as a key method to develop the author's individual style and its inner content as a means to perceive the literary work; literary norm as use of stylistic (stylistically marked) means including archaisms; beauty as structural arrangement of the literary work achieved by using, on the one hand, passive vocabulary in general, and, on the other hand, archaisms.

Key words and phrases: archaisms; I. A. Krylov's fables; category of clarity; category of literary norm; category of purity.